

**Ф.Е.Мельников «ОТВЕТ НА ВОПРОС БЕЗБОЖНИКОВ:
ОТКУДА ВЗЯЛСЯ БОГ?
(Беседа учителя с пионерами в советской России)»**

*Дети! храните себя от идолов.
1 Ин. 5, 21*

ОТ АВТОРА

Настоящий труд написан в советской России. Вопрос "Откуда взялся Бог?" - по смыслу своему дерзкий и кощунственный, -ставят безбожники-большевики и смущают им мало знающих верующих. Ответом на него служит предлагаемое сочинение "Беседа учителя с пионерами". Помимо этого главного вопроса, в нем разрешаются и другие, не менее дерзкие вопросы безбожников: "Есть ли Бог?" - "Где был Бог, когда еще не было мира?" - "Можно ли видеть Бога?". Затрагиваются и разъясняются вопросы о происхождении материи, мира, природы; о происхождении человека и его способности говорить, об отношении науки и великих ученых к религии и многие другие.

В советской России подобное произведение не могло быть напечатано, так как там всякая религиозная мысль и вообще свободная мысль жестоко преследуется.

Воспитание и образование детей в советских школах ведется в духе безбожия и ненависти к религии. Настоящее сочинение дает верную картину этого воспитания. "Пионеры", с которыми советский учитель вел беседу, - это детские отряды коммунизма. Они имеются в каждой советской школе низших и средних ступеней.

Быт советской школы

Советская власть всеми способами старается обезбожить все население России. Все дети, обучающиеся в советских школах, обязательно должны быть безбожниками. Все школьные учителя, какой бы предмет они ни преподавали, обязаны вести в школе антирелигиозную пропаганду. Но далеко не во всех советских школах это обязательство выполняется в точности. Миллионы детей-школьников остаются верующими. Тысячи учителей продолжают выполнять религиозные потребности.

Пятая Пензенская школа-семилетка была исключительной: весь состав ее, как учительский, так и ученический, был безбожным. В ней были и действовали всякие организации: и комса и пионерские отряды, и ячейки безбожников - членов СВБ, и летучие кавалерии, и т. п. Все они работали в ударном, или, как выражались учителя этой школы, в угарном темпе. Особенно свирепо проявляли свое ударничество летучие кавалерии. Они бесцеремонно и наскоком вторгались в дома и квартиры учителей и шарили здесь в углах и по стенам, даже в гардеробах и на кроватях, всюду ища святых икон и крестов. И если находили, то кощунственно уничтожали эту святыню, а владелец ее подвергался жестокому наказанию. Это делается по требованию советской коммунистической власти повсеместно. Заведующий школой, *Варул Ермипович Самодуров*, всячески поощрял эти безудержные набеги своих учеников. Он был ярым безбожником и при всяком случае демонстрировал свое безбожие. Он уверял, что даже в его крови есть что-то безбожно-смердяковское.

Одно время он задумал переменить свою фамилию *Самодуров* на фамилию Смердяков (знаменитого героя романа Достоевского "Братья Карамазовы"). Но после вдумчивого размышления пришел к утешившему его заключению, что его собственная, родовая фамилия гораздо выразительнее и почтеннее всякой смердяковщины и вполне соответствует его безбожному самодурству. Он остался с прежней фамилией - Самодуров. Но имя и отчество свои, *Варул Ермипович*, ему пришлось переменить, ибо на них сделала наскок и стала штурмовать одна безбожная кавалерийская тройка его школы. Однажды тройка эта, получив задание уничтожить в среде своей всякие даже следы и какие бы то ни было намеки религиозности, нашла у одного школьного товарища старый календарь; перелистывая его, она наткнулась на заголовок: "Алфавитный список святых с разъяснением значения их".

- А ну-ка, - заинтересовался один ударник из тройки, - что значит *Варул* и *Ермипп*?

К ужасу своему, безбожная тройка вычитала, что *Варул* - сирийское имя и значит *раб Божий*, а *Ермипп* - греческое и значит *конь Гермеса*, греческого бога.

- Вот так открытие! - в один голос вскричала тройка. - Наш Самодур, активнейший безбожник, оказался рабом Божиим и даже жеребцом языческого бога!

Тройка мигом метнулась к квартире Самодурова. Ворвалась к нему с гиком, с шумом, с матерным криком.

Самодуров даже остолбенел, столкнувшись в своем кабинете с этими безбожными сорванцами, им же воспитанными и им же вдохновленными.

- Это что же такое, товарищ Самодуров! - заорала на него тройка. - Во главе нашей *безбожной* школы стоит раб *Божий*. Лошадь Гермеса!

- Это - позор! Это - скандал!!!

- В чем дело, друзья мои? - едва пролепетал Самодуров, с испугу весь дрожа, как в лихорадке, хотя он был не трусливой породы.

Тройка, налетевшая на него так неожиданно, состояла из великовозрастных комсомольцев - ребят здоровых, отчаянных, озверелых. Это были настоящие волкодавы. К тому же они были теперь в озлобленном и бешеном состоянии. Есть чего испугаться. Того и смотри разорвут.

- Нам поручили вы же, - продолжали они возбужденно и в ругательном тоне, - искоренять в нашей среде всякую религиозность, даже тень какой бы то ни было святыни, а сами вы - сплошная святыня! С ног до головы! И молчите об этом!

Самодуров инстинктивно повернул голову в передний угол своего кабинета: не осталось ли там от прежних времен какой-либо иконочки или крестика? Когда-то Самодуров сам был верующим, несмотря на смердяковскую кровь, текущую в его жилах, и усердно молился перед святыми иконами. Но в углу сидел один только огромный паук, похожий на трактор, и молчаливо подергивал нитями широко и искусно расставленной паутины. Это немного успокоило Самодурова. Но все же он сильно волновался, не понимая и не догадываясь, из-за чего так яростно наступает на него безбожная кавалерия.

- Не понимаю, в чем вы меня обвиняете, - плаксивым тоном проговорил Самодуров.

- Вы знаете, как вас звать? - нахально, прямо в лицо ему, крикнул передовик из тройки. - То есть как ваше имя и отчество? - пояснил он.

- Варул Ермиппович, - ответил тот, все еще волнуясь.

- А что это значит в переводе на русский язык?

- Не знаю. Никогда не интересовался этим.

- Вот, читайте! - почти под самый нос Самодурова совал передовик "Церковный календарь".

Самодуров прочел в нем: "Варул (*сир. имя*) - раб Божий"; "Ермипп (*греч.*) - конь Гермеса (*греч. бога*)".

- Вот кто вы: *раб Божий* - вскрикнул передовик.

- Жеребец греческого бога! - сказал второй комсомолец.

- Кобылка божия! - сострил третий.

- Это позор! Это провал всего нашего безбожного дела! - уже вся тройка вопила. - Мы срываем кресты с шей и грудей, снимаем всюду иконы, а тут, на собственной безбожной школе, высится сам раб Божий! Это ужас! Скандал! Мерзость!..

- Я готов переменить свое имя хоть сейчас. Переменю, непременно переменю, - торопливо заговорил Самодуров, уже успокоившийся и пришедший в себя. Но вдруг его голову осветила какая-то мысль.

Безбожники с христианскими именами

- Позвольте, товарищи, как же так, - продолжал он уже уверенно, - ведь все же вожди наши носят христианские имена. Сам Ленин именуется *Владимиром Ильичем*. Владимир и Илия - это же религиозные имена, это же христианская, церковная святыня!

Самодуров точно увесистой дубиной огрел тройку. Ошеломленная, она сунула свои носы в календарь, отыскивая в нем имена "Владимир" и "Илия". Первое имя ее успокоило: оно оказалось русским и означает "владеть миром". Но второе - "Илия" - привело ее в отчаяние: оно означает "Божия сила и крепость". А тут еще Самодуров ликующе пояснил:

- Теперь никто из наших товарищей не величает Ленина Владимиром, все именуют его просто "Ильич", то есть, - язвительно пояснил он, - "крепость Божия, сила Божия".

"Без Бога - ни до порога", - вспомнил он при этом русскую мудрую пословицу, но только про себя, не смея сказать ее вслух.

- Нарва-ли-ись! - злобно, но сквозь зубы прошипел передовик. - Оказывается, и на самом деле Бог вездесущ.

- "Иже везде Сый и вся исполняли", - под нос себе бормотал другой троечник, еще недавно состоявший в церковном хоре местной церкви.

- Что же делать?! - уже в отчаянии вскрикнул передовик. - Снимаем кресты, выбрасываем иконы, объявляем религию контрреволюцией, а сами повсюду постоянно величаем и воспеваем "крепость Божию, силу Божию". Мы сами контрреволюционеры, сами мракобесы, рабы Божий!! Что же делать?!

— Пропали мы! Осрамылись! — подтвердили и два других комсомольца.

- Успокойтесь, не волнуйтесь, - начал успокаивать тройку Самодуров. - "Ильич" так и останется "силой Божией"! Тут уж ничего не поделаешь. А свое имя и отчество я обязательно переменю. Сейчас переменю.

Советские наименования

Самодуров начал придумывать, какое же прозвище или имя взять себе взамен "Варула Ермипповича".

- Горилла, - хорошее и звучное имя, - предложил один из тройки. - Это же наш прародитель.

- Нет, лучше орангутанг, - предложил другой товарищ из тройки, - тут сразу есть и имя и отчество: Оранг Утангович. Красиво, Выразительно, а главное - отвечает нашей, обезьяньей, породе.

- Родовое, так сказать, имя, - пояснил и третий товарищ. Но Самодурову не хотелось брать на себя обезьянью кличку, хотя он до этого пользовался на своих уроках всяким случаем, чтобы разъяснить ученикам и вбить им в голову, что человек произошел от обезьян. Людей он и не называл иначе как "обезьяньи выродки", "обезьянье потомство", "обезьянье племя". И сам он был во многом похож на обезьяну. Но тут, при выборе нового имени, в нем что-то человеческое запротестовало против обезьяньей наследственности.

- Нет, я лучше буду именоваться Львом, - с царственной гордостью заявил он. Но тройка ему сейчас же напомнила, что это имя контрреволюционно: оно значит, во-первых, царя зверей и лесов; во-вторых, это имя присвоил себе Троцкий: вместо Лейбы стал величаться Львом и скатился в болото контрреволюции.

Самодуров испугался, как бы его не обвинили в троцкизме, и сразу же отказался от Льва.

- Пес! - вот прекрасное и почтенное имя, - предложил передовик. - Наша интеллигенция держит псов в своих комнатах, с ними спит, пьет, ест... Пес - верный друг.

- Пес Сукович! На что же лучше имени и отчества, - поддержал передовика другой товарищ.

Но Самодурову не хотелось быть и псом, и он решительно отказался от собачьего имени и чести.

После долгих поисков имени в царстве животных и зверей и даже в царстве техники и машин тройка и Самодуров в конце концов опять вернулись к своим непосредственным предкам - обезьянам. С общего согласия было принято имя: Гиббон вместо "Варул". А отчество было найдено быстро: "Ермипп" значит: "конь", - соответственно этому нужно отчество взять лошадиное.

- Вот, например, в Москве, - начал убеждать Самодурова один троечник» побывавший в столице, - там все новые названия соответствуют, по смыслу и значению или по созвучию, прежним, старым: так, Таганка переименована в Поганку, так как там все церкви закрыты; а примыкающие к ней переулки названы: Болванный - Пионерским, а Дурной - Товарищеским; Пустой - Марксистским. И так все названия в Москве переделаны, - нагло соврал легкий кавалерист, - всюду установлены синонимы, однозначные наименования.

Самодуров сразу согласился величать себя по отчеству лошадиным титулом. Он выбрал себе отчество Кобылович, собственно, не отчество, а материнство. Он и раньше говорил, что вернее величать людей не по отцу, а по матери, так как она несомненная мать своих детей, а в отце можно еще сомневаться.

- Гиббон Кобылович! - восхищался Самодуров своим Новым титулом. Он при этом вспомнил, что один из учителей его школы, Василий Петрович Флорентиец, никогда не называл его "товарищем Самодуровым", а всегда только по имени: "Варул" или "товарищ Варул", причем как-то особенно выговаривал это имя. "Он, очевидно, знал его значение и в насмешку величал

меня, такого активного безбожника, «рабом Божиим». Ишь, каналья! А теперь извольте меня величать: Гиббон Кобылович Самодуров". Он даже смакнул своими толстыми губами, как будто и на самом деле обсасывал что-то смачное. Самодуров предложил тройке, чтобы она принудила и всех учителей сбросить с себя христианские имена с Божественным значением и принять звания скотские или звериные. Но ей этого не удалось сделать. Учителя решительно и твердо отказались от этого безбожного самодурства, хотя и считали себя безбожниками. Зато все ученики переменили свои прежние имена, и с этой целью были использованы названия не только животных и зверей, но и птиц, и рыб, насекомых; звали даже Блоха, Вошь, Гнида и т.д. Наиболее же активных безбожников наименовали демонскими прозвищами: Бесенок, Дьяволенок, Чертенок, Сатаненок (1), так что школу эту население стало называть "дьявольским зверинцем". В этой школе было почти полное торжество безбожия: повытравлено из нее все религиозное, все чистое и святое, все светлое и божественное. Это была страшная тьма египетская. Однако бывали случаи, что и в нее проникали лучи Божественного Света. Об одном из таких случаев и расскажем здесь.

Безбожные учителя с "заветом Божиим"

Все учителя "школьного зверинца" должны были быть безбожниками, иначе их выгнали бы, так как, по уверению всех советских газет и "верхушек", в СССР нет и не может быть каких-либо гонений или принуждений за религиозные убеждения, ибо это страна исключительно свободная и необычайно культурная. Поэтому все учителя "добровольно" снимали с себя кресты, повиносили из своих домов и квартир иконы и перестали ходить в церковь. Двое из учителей, еврейской национальности, чтобы окончательно вытравить из себя религиозный дурман, пытались даже вырвать с корнем "Моисееву печать", которая, как известно, имеет глубоко религиозный смысл (ибо это - завет с Богом), и по этому поводу уже вели серьезные переговоры с весьма опытным в таких делах коновалом. Но, досконально узнав, что даже вожди и руководители самого Союза воинствующих безбожников щеголяют с этой "печатью", с этим многовековым "заветом Божиим", хотя и признают его и "дурманом", и "мракобесием", и "чертовщиной", - учителя-евреи решили тоже оставить на месте эту религиозную эмблему и только, при гневных столкновениях с Самодуровым, кричали ему в лицо: "А этого ты не хочешь!"

(1) В советской литературе очень часто такими названиями величают детей. Даже старый писатель, Максим Горький, перешедший на сторону большевиков, в своих новых сочинениях отзывался о большевицких детях как о славных чертенятах. "Вот какие умные и хорошие чертенята!" - восклицает он в своих статьях. (См. советский журнал "Наши достижения", 1931 г., № 2, ст. Горького "О детях", с.3).

Верующий учитель

Самодуров, однако, заставил всех учителей читать антирелигиозные лекции, вести безбожные уроки с учениками, кощунствовать над религиозной святыней, хулиганить - словом, быть настоящими безбожниками. Большинство из них все же хранило в самых укромных, безопасных и недоступных взору даже наиболее пронырливых и наглых самодуров уголках своей души величайший и драгоценнейший дар своего духовного существа - веру в Бога как в Верховное, Разумное и Вечное Начало Вселенной. Среди этих учителей весьма заметно выделялся вышеупомянутый уже Василий Петрович Флорентиец. От него веяло ароматом благородства и высокого духовного аристократизма: со всеми он был деликатен, вежлив и нежен. Все его любили и уважали; даже безбожные ученики, гордившиеся демонскими титулами, которые они себе присвоили, относились к нему по-человечески и почтительно: никогда не называли его ни на "ты", ни "товарищем", ни даже по фамилии, а всегда Василием Петровичем. Безбожных лекций он не читал, решительно заявив, что он "в этой области профан" - ничего не знает. На приставанья учеников с религиозными и антирелигиозными вопросами всегда отговаривался: "Это не по моей специальности", или: "Некогда мне этим заниматься", или просто: "Не знаю".

У Самодурова он был в подозрении, особенно же после того, как тот понял, что Флорентиец, величая его Варулом с особой выразительностью, клеймил его, собственно, "рабом Божиим". И ученики вполне основательно думали и заключали: "Такой человек не может быть безбожником". Они думали еще о нем, что он знает что-то чрезвычайно важное и таинственное, но не может этого никому сказать.

Однажды в школе был устроен пионерский вечер исключительно для школьников-пионеров с их детскими выступлениями. На этом вечере в обязательном порядке преподавательской очереди Флорентиец должен был прочитать лекцию о происхождении мира. Эта тема была по его специальности, так как он преподавал в школе астрономию и геологию. Он изложил пионерам добросовестно и подробно так называемую Канто-Лапласовскую теорию о происхождении нашей Солнечной системы. Не пропустил упомянуть, что эта гипотеза теперь раскритикована, что есть новые гипотезы современных ученых, такие же шаткие и гадательные, как и Канто-Лапласовская.

Есть ли Бог?

Он уже сходил с кафедры, как неожиданно был остановлен настойчивыми и многочисленными криками пионеров.

- Василий Петрович! Василий Петрович! - вопили они хором. - Скажите: есть ли Бог!?

- Есть ли Бог? - повторяли их голоса.

Флорентиец смутился: он не знал, что делать - уходить ли с кафедры, отделавшись обычной отговоркой: "это не по моей специальности", или что-либо ответить оравшей изо всех сил детворе. Он безошибочно догадывался, что пионеры ставят этот вопрос неспроста, что они кем-то подготовлены на это и что перед ним расставляется, может быть, коварная ловушка, которую он так счастливо до сих пор обходил. Ответить детям что-либо пакостное, противное своей совести, он не мог, а сказать правдивое, честное, свободное слово - это значило быть выгнанным из школы, быть отданным в жертву голода и холода, на неизбежную в советских условиях гибель. Приятно улыбаясь, производя этим чарующее впечатление, и подергивая левым плечом, что он делал при сильном волнении, он тронулся от кафедры по пути к выходу.

- Что же вы? - вдруг он услышал злорадный окрик Самодурова, сидевшего тут же, в среде шумевших пионеров. -Отвечайте! Это же, - добавил тот ехидно, - по вашей специальности - астрономии.

Флорентиец вернулся на кафедру. Ему прекрасно было известно, что пионеры, что называется, до мозга костей были насыщены безбожием. "Бога нет. Его выдумали попы и жрецы" - это им говорили почти на каждом уроке все учителя, сами незнакомые даже с марксистской философией. Наезжавшие в школы всяких родов безбожные агитаторы и пропагандисты прожужжали им уши постоянными уверениями, что люди сами создали себе Бога под влиянием человеческих производственных отношений.

Впитали в себя пионеры и ходячие безбожные приемы: насмешки, издевательства и кощунства над всякой религиозной святыней; свист, гик и плевки при встрече с духовными лицами на улице и тому подобные хулиганства. "Они и меня освистят", - подумал Флорентиец. Но симпатичное лицо его, сияющее благородством, нежно улыбающееся, а также и аристократическая манера его держать себя независимо и бодро, с едва уловимым оттенком, если так можно выразиться, изящной гордости, производили на пионеров покоряющее впечатление. В его присутствии даже эти, как выражался Самодуров, "выродки обезьян" из "дьявольского зверинца" чувствовали внутри себя образ Божий и соответственно ему вели себя. Они сразу притихли, как только Флорентиец снова взошел на кафедру, и своими острыми глазенками впились в него, словно силясь влезть в него самого и посмотреть, что за важное и таинственное скрывается в нем, что знает только он один и никому не открывает.

Василий Петрович пошел на хитрость, решив прикрыться авторитетом великих ученых.

- Есть ли Бог, спрашиваете вы, - повторил он вопрос пионеров при умильной тишине всей детской аудитории. Чуть заметно она нарушалась только сопением Самодурова.

- На этот вопрос всего человечества, - продолжал Флорентиец не спеша, с нежной выразительностью, - есть ответ в замечательной книге величайшего ученого прошлого столетия Чарльза Дарвина.

- Дарвина! Дарвина! А, знаем, знаем, - зашумели пионеры. - Это что от обезьяны произошел.

Они уже сотни раз слышали и на уроках, и на особых лекциях и докладах, что человек произошел от обезьяны и что это впервые доказал ученый Дарвин.

- Нет, это неверно, - авторитетно поправил Флорентиец своих слушателей, - Дарвин не мог произойти от обезьяны: он был человеком благородным и в глубочайшей степени религиозным. Достаточно сказать, что он пробыл церковным старостой тридцать пять лет и с этим почтенным званием скончался.

Пионеры слушали с необычайным вниманием. Все это было для них ново, и они молниеносно переводили свои быстрые глазенки то на Флорентийца, то на Самодурова, ожидая от последнего, очевидно, каких-либо возражений. Но тот только сопел.

- Но Дарвин доказал, и, нужно сказать, весьма основательно доказал, - продолжал свою речь Флорентиец, решив пошутить над Самодуровым, - что от обезьяны произошел наш достоуважаемый Варул Кобылович, - при этом Василий Петрович красивым взметом руки указал на Самодурова.

Тот, точно ужаленный, вскочил на ноги и грубо заорал, напугав даже пионеров:

- Какой я Варул? Это вы - Варул! Раб Божий! Я... Я... - Гиббон Кобылович!!!..

Флорентиец весьма вежливо извинился перед Самодуровым за допущенную им ошибку и спокойно продолжал, обращаясь к детям:

- Вот видите: все вы хорошо знаете, что Гиббон произошел от обезьяны. Это, собственно, и доказал великий Дарвин. Он же ответил и на поставленный вами вопрос: есть ли Бог? В его интересной книге "Мое мировоззрение" говорится: "Великие умы всех времен ставили вопрос: есть ли Бог? И всегда приходили к положительному заключению: Бог есть".

Дарвин - староста церковный

Самодуров сквозь зубы процедил, словно для себя только: "Дарвин был материалистом и атеистом". Но Флорентиец услышал это замечание и с прежним спокойствием ответил:

- Это неверно. Дарвин никогда не был атеистом. Василий Петрович послал одного из пионеров в школьную

библиотеку взять у заведующего вышеназванную книгу Дарвина. А сам продолжал:

- Чарльз Дарвин был в удивительной степени религиозным человеком, был даже усердным богомольцем. Иначе его не избрали бы в церковные старосты. Да и сам он, как человек честный, не пошел бы на эту должность, если бы не чувствовал в своей душе к этому призванию. Читайте его "Путешествие на судне Бигль", и вы убедитесь, в какой, можно сказать, бесподобной степени пропитана его жизнь и поведение благоговением к Богу как Творцу Вселенной.

Это сообщение Флорентийца о Дарвине было для пионеров тоже неожиданным откровением. Им безбожные агитаторы всегда твердили, что великий Дарвин был безбожником, да и все знаменитые ученые были безбожниками, ибо, уверяли агитаторы, наука несовместима с религией. Теперь же они услышали от любимого и авторитетного учителя совершенно противоположное. Они с нетерпением ждали возвращения из библиотеки своего товарища. Тот скоро возвратился и принес не только заказанную учителем книгу "Мое мировоззрение" Дарвина (издание журнала "Вестник знания", под редакцией Битнера), но и сочинение профессора А. К. Тимирязева "Жизнь и творения Дарвина" (советского издания). В первой книге Флорентиец в ту же минуту вычитал вышеприведенную цитату о том, что великие умы признавали существование Бога, а во второй - что Дарвин тридцать пять лет - это значит полжизни своей - состоял церковным старостой.

- Такой человек не мог быть безбожником, - проникновенно заключил Флорентиец, глядя своими голубыми глазами прямо в лицо Самодурова, который поспешил отвернуться от этого пронзительного взгляда, что вызвало веселый смех у пионеров. Они слушали теперь Василия Петровича не только со вниманием, но и с доверием к нему.

Все ученые верили в Бога

- Какие же ученые верили в Бога? - раздалось несколько голосов из пионерской среды.

- Все ученые и всегда, с того времени как существует наука, верили в Бога, - решительно ответил Флорентиец и добавил: - Может быть, некоторым из них, по условиям времени и своего положения, приходилось скрывать свои верования, что происходит, например, в наше время и в нашей стране; но это лишь доказывает, что веру в Бога нельзя вытравить из души никакими принуждениями и насилиями.

- По тебе видно! - злобно бросил эту фразу Самодуров по адресу Василия Петровича и уже заранее радовался тому, что Флорентиец будет позорно изгнан из школы и из профсоюза (1) за это честное, правдивое и смелое разъяснение ученикам-пионерам.

- Вы помните, дети, - продолжал Василий Петрович, - и, несомненно, любите таких великих, всемирно прославленных и признанных ученых, как Декарт, Лейбниц, Ньютон, Кеплер, Гершель, Дарвин, Уоллес, Фарадей... Без конца можно их перечислять. Все они были глубоко и искренно верующими людьми. Они, собственно, и создали науку. Без них ее не было бы.

- Это все буржуазные ученые! - вызывающе крикнул Гиббон Кобылович.

К удивлению Василия Петровича, это самодуровское возражение мгновенное подхватили и пионеры, казалось бы, с доверием слушавшие его разъяснения.

- Буржуазные!!! Буржуазные!!! - кричали они почти с неистовством.

Что такое буржуазность? "Буржуазные" ученые

Глубочайшая религиозность величайших и знаменитейших ученых в такой сокрушительной степени давит на безбожие и совершенно уничтожает его, как полную противоположность науке и ее творцам, как глупость и невежество, что последователи его в своем предсмертном отчаянии только и смогли закричать это бредовое словечко: "Буржуазные! буржуазные ученые!" Этим бредом руководители безбожия заразили даже детей. Флорентиец решил, что бы с ним ни сделали потом, рассеять этот бред, освободив от него бедные головы пионеров.

- В каком смысле "буржуазные" ученые? - обратился он к аудитории с этим вопросом, немного повысив свой голос, точно обычное его спокойствие пошатнулось. - Понимаете ли, дети, что вы говорите?

Пионеры сразу притихли.

- Что такое буржуазность? В чем сущность его? - продолжал Василий Петрович. - Это жизнь для земли, а не для неба; это надежда не на Бога, а на капитал, на земные материальные средства. Буржуазность - это идеал жизни беспечной, сытой, богатой. Безбожие по своей сущности буржуазно, в самом низком и пошлом, вполне обнаженном, смысле этого слова. До грубой резкости справедливо говорит товарищ Луначарский, что "только буржуа у полной чаши да свинья у корыта могут не иметь религии" (книга его "Религия и социализм", т. I, с. 42). Религия же ограничивает земную, суетную жизнь, она - путь в иную жизнь, бессмертную, вечную: она полная противоположность буржуазности. Недаром же во все века основателями и распространителями безбожия были буржуи. Кто был наиболее ярким "апостолом" и даже "евангелистом" безбожия во Франции, написавшим своего рода евангелие безбожия "Система природы"? Богатый барон Гольбах, живший роскошно на капитал, приобретенный неоплатным трудом рабочих! Кто был другой не менее известный "апостол" атеизма - Гельвеций? Богатый откупщик! Кто были еще более известные догматисты безбожия: Молешотт, Фохт, Бюхнер? Это были низкопоклонные лакеи буржуазии! Если у нас пролетарии пошли в безбожие, то это свидетельствует о том, что они пропитались буржуазным духом. Безбожный социализм в принципиальной сущности своей есть явление исключительно буржуазное: ибо он стремится к жизни богатой и сытной, беспечной и беструдной. В этом ли смысле вы называете перечисленных мною ученых буржуазными учеными? - обратился Флорентиец к пионерам и к Самодурову.

Но пионеры с восстановленным доверием слушали Василия Петровича и ничего не ответили ему, а Самодуров и так отлично знал, что именно религия, а не безбожие, есть противоположность буржуазии, и тоже отмолчался.

- Может быть, вы называете этих ученых буржуазными потому, - продолжал Флорентиец, - что они родились в буржуазной среде. Но, во-первых, многие великие ученые вышли из простого народа, из рабочей среды. Гершель, например, был сыном музыканта, Фарадей вышел из переплетчиков, Франклин был типографским рабочим, Фраунгофер - стекольщиком, Лавуазье - акцизным

чиновником, Фламарион - рабочим-гравером, наш знаменитый Ломоносов родился в крестьянской семье. Очень много крупных и знаменитых ученых вышло из демократической среды. Было бы грубой ложью обзывать их буржуазными по их происхождению. Во-вторых - и это нужно твердо знать и помнить, - основоположники марксистского социализма вышли из буржуазной среды: Маркс был не рабочий, не мастерской, не крестьянин, произошел не из трудового народа, а из городской интеллигенции, обычно и типично буржуазной; а Энгельс - сын крупного фабриканта и сам фабрикант. Они имеют все черты и признаки именоваться буржуазными "учеными". Однако никто не называет их буржуазными. Почему же? Потому, что качество, достоинство ученого, его, так сказать, сущность определяется не его рождением или происхождением, а той наукой, которую он разрабатывает и развивает, и той степенью талантливости и гениальности, которой он одарен. Как одно дерево называется березой, а другое - сосной, третье - ольхой и так далее - так и ученые: одни - химики, другие - физики, третьи - астрономы и так далее. Этим определяется их ученая "природа". И как нелепо было бы одни деревья или металлы (железо, медь, никель и другие) определять как буржуазные или пролетарские, а другие - как христианские или иудейского вероисповедания; так и ученых нельзя определять их происхождением из той или иной среды или физическими качествами: рыжий - ну, значит, ему можно доверять, а если брюнет или белокурый - такому верить нельзя. В сущности, наши самодуры, - не удержался Флорентиец, чтобы не пустить острую стрелу в Гиббона, - так и определяют ученых: раз физик или химик родился и живет в буржуазной среде - ему нельзя доверять, хотя бы он был сверхгениален; а если он пролетарий, то всякое слово его есть бесспорная истина, ничего, что он и бездарен и, может быть, совсем бестолков и глуп. Такое определение по меньшей мере нелепо и бессмысленно. Это все равно что сказать: береза перестает быть березой, если она выросла не в России, стране пролетарской, а во Франции или в Англии - странах буржуазных. Ученые люди именно как ученые определяются не месторождением, не национальностью, не телесными качествами, а той наукой, которую они преподают, и степенью их знаний, их талантливости и гениальности. Не может быть физики или химии, арифметики или геометрии буржуазной или пролетарской, французской или китайской. Науки интернациональны, сверхнародны, всемирны...

Долго и обстоятельно говорил на эту тему Василий Петрович, стараясь со всех точек зрения разъяснить пионерам, что безбожники совершенно неосновательно относятся с недоверием к знаменитым и великим ученым, верующим в Бога. Пионеры слушали его с напряженным вниманием.

- Глубочайшие основы каждой науки приводят к вере в Бога, - заканчивал свою речь любимый учитель. - Серьезный и искренний ученый, умеющий проникать в тайны природы, не может быть атеистом. Вот почему все серьезные и глубокие ученые даже нашей страны, которая считается не только пролетарской, но и безбожной, по крайней мере официально, признают во вселенной существование Высшего, Разумного и Вечного Начала, то есть Бога.

Советские великие ученые — верующие

Флорентиец хотел было уже сходить с кафедры. Он чувствовал, что далеко зашел в своих объяснениях и что ему грозит опасность быть выброшенным из школы. Нужно бежать куда-нибудь. Но мгновенно раздавшиеся крики пионеров остановили его.

- Кто? Кто?.. Кто верующий ученый у нас? - кричали любопытные и даже у некоторых неистовые голоса пионеров.

- Все ученые, - решительно и твердо ответил Флорентиец, - за исключением лишь, - добавил он, - так называемых "примазавшихся", у которых мышление определяется, как верно учит марксизм, не их внутренней, духовной сущностью, не их знаниями или наукой, а внешним бытием, вернее сказать, их голодным желудком: по уму и науке.

Но этот ответ не удовлетворил требовательные и взбудораженные головы пионеров. Они хотели знать по именам тех знаменитых советских ученых, которые веруют в Бога. Флорентиец вынужден был их выдать.

- Вот, например, - начал он перечислять их по фамилиям, - великий ученый с мировой славой - Павлов, создавший новую науку - рефлексологию; академик Бехтерев, тоже рефлексолог, пользующийся всеобщим признанием; академик Вернадский, создавший новую науку, геохимию, - тоже мировая знаменитость; академик Ипатьев, бесподобный знаток палеонтологии; великий революционер и крупный ученый - Николай Морозов.

При этом последнем имени среди пионеров произошло движение и шепот. Повидимому, они хорошо знали биографию его.

- Всех советских ученых верующих, - продолжал Василий Петрович, - незачем перечислять, да на это и неостанет времени. Достаточно указать на этих столпов науки, чтобы знать, что серьезные и проникновенные ученые не могут быть атеистами, несмотря ни на какое внешнее бытие, даже наше "реконструктивное и коллективное".

"А ты видел Бога?"

- Но откуда взялся Бог? - новый вопрос поставили пионеры. - Откуда? - кричало несколько задорных голосов.

При этом вопросе Самодуров даже просиял и вызывающе упорно глядел на Флорентийца: он считал этот вопрос сокрушительным для веры в Бога, совершенно неразрешимым.

Василий Петрович не сразу ответил на него. Он что-то, точно в смущении, раздумывал или припоминал. Ему действительно вспомнилась одна поучительная история, происшедшая на уроке Самодурова.

Одно время очень ходовыми и боевыми были среди учеников безбожные вопросы, с которыми пионеры приставали к каждому верующему ученику: "А

ты видел Бога? А! Ну, покажи его нам!" "А, не покажешь - значит, Его нет!" И этими приставаниями, конечно, смущали верующих детей, а некоторых, более слабых и дряблых, и совсем делали неверующими. Но скоро эти пионерские приставания исчезли, "яко дым". Их рассеял и совсем уничтожил один верующий ученик, совсем невзрачный малыш, по прозванию Захарчик, за что был потом и сам изгнан из школы, как "опасный и чуждый элемент". Не смешно ли: "всесильное" безбожие испугалось какого-то малыша Захарчика? В столь позорной степени оно трусливо, внутренне слабо и ничтожно!

Было дело так. На уроке физики Самодуров объяснял ученикам закон всемирного тяготения. "Вы видите, - говорил он, - Солнце, звезды, Луну, Землю, планеты; все они правильно ходят по своим кругам (орбитам), ничуть не сбиваясь в сторону со своих путей. Но на чем они держатся и кто ими руководит? Кто водит их так правильно и разумно? Это все зависит от закона всемирного тяготения. Его открыл великий Ньютон, заслужив этим бессмертную славу. В чем выражается этот закон? В том, что все небесные светила притягивают одно другое особой силой, которая и названа силою взаимного притяжения: Солнце притягивает к себе Землю, а Земля - Солнце и так далее. Поэтому и Солнце не падает, хотя оно ни на чем не висит, ни на чем не ходит, и Земля не летит в пропасть. И так на этой силе держатся сотни миллионов звезд и вообще вся Вселенная. Сила взаимного притяжения имеет всемирное значение. Поняли теперь, в чем заключается закон взаимного притяжения?" - обратился Варул (тогда он еще так величался) к ученикам.

Вот в это время и поднялся Захарчик, чтобы сокрушить безбожного самодура. Немного раскачиваясь в стороны и лукаво прищурился подслеповатые глазенки свои, он выпалил задорно:

- Понять-то мы поняли, но все это чепуха!

- Как чепуха? - даже вскричал возмущенный Варул.

- Да так! - хитро отвечал Захарчик. - Мы можем признавать только то, что видим собственными глазами. Вот вы нам покажите эту силу взаимного притяжения, которая держит весь мир и так разумно управляет им.

Нужно заметить, что Захарчик принадлежал к верующей семье, и весьма образованной, которая, очевидно, и подготовила его к подобным вопросам. Самодуров был в недоумении от требования ученика и не хотел было отвечать ему. Но последнего поддержал весь класс, что еще больше смутило его.

- Да разве можно видеть силу взаимного притяжения? - ответил он вспыльчиво и с раздражением. - Она - невидимая вещь: такова ее природа.

- Ну, это вы поповщину нам разводите, - возразил Захарчик, вызываяще и нагло надсмехаясь над преподавателем.

- Это только верующие говорят, что их Бог тоже Всемирное Существо и тоже Невидимое и что природа Его такова.

Самодуров совсем опешил от такого возражения. И ученики были встревожены и насторожились.

- Но если ее видеть нельзя, - продолжал свои вопросы Захарчик, - так, может быть, ее можно пощупать или понюхать? Может быть, на вкус можно узнать: есть она или нет ее?

Самодуров бессмысленно молчал, даже ничего не соображая. Однако он хорошо понял, что его, будущего Гиббона, а теперь пока "раба Божьего", так нагло спрашивавшего учеников, в том числе и этого Захарчика: "А вы видели Бога?", -теперь этот невзрачный ученик самого его так умело и так быстро посадил в калошу с его невидимой силой всемирного притяжения. Впрочем, сила эта тут ни в чем не виновата. Напротив, она сослужила великую службу верующим, да и неверующих вразумила, доказывая одним уже существованием своим, что и Бог Вездесущий невидим и что такова Его сущность.

И новые вопросы своего товарища ученики дружно, всем многоголосым хором, поддержали, требуя от Самодурова немедленных разъяснений. Тот все же сообразил в конце концов, что ответить. Он яростно набросился на Захарчика с своими вопросами:

- А у тебя разум есть? Ты его видел? Ты его щупал? Нюхал ты его? Лизал? Каков он на вкус? А! Что молчишь?

Захарчик ответил с некоторой торжественностью:

- Разум человеческий, так же как и Всемирный Разум, то есть Бог, невидим; он - духовная сущность, видеть его поэтому нельзя.

Тут уже и все ученики ясно увидели, что их товарищ-ученик посадил в калошу не только Самодурова, но и самое безбожие.

С тех пор в школе этот бывший боевым вопрос: "А ты видел Бога?" - потерял всякое значение, даже безбожники стали стыдиться его, и если кто из них в забывчивости ставил его, то таковому сейчас же напоминали: "А ты знаешь силу взаимного притяжения?" Или: "А ты не помнишь Захарчика?" И забывчивый безбожник поспешно и со стыдом удирал.

Откуда взялся Бог?

Вспомнив всю эту "историю", Флорентиец подумал было: "А не посадить ли и мне Самодурова в калошу этой же силой всемирного тяготения? Спрошу его: откуда она взялась и где была, когда не существовала еще Вселенная? Что она, эта сила, тогда делала? Кого притягивала? И смешным же будет Самодуров, - представлял себе Флорентиец, - если не сумеет ответить на эти вопросы". Ответить на них, конечно, нельзя.

Василий Петрович, однако, не поставил этих вопросов. Самодурова нужно было щадить, иначе он наделает много пакостей. Флорентиец предпочел лучше иметь дело с пионерами, тем более что поставленный ими вопрос "Откуда взялся Бог?" не ими выдуман, а вбит им в головы антирелигиозными агитаторами, приехавшими в Пензу даже из столицы. Они именно убедили пионеров, что этот вопрос убийствен для верующих, и пионеры назойливо и настойчиво ставили его всем. Поставили они его и Флорентийцу с победным ликованием.

Василий Петрович после полуминутного, как показалось бы постороннему наблюдателю, замешательства, в момент которого он успел припомнить провал

Самодурова с силой взаимного притяжения, начал свой ответ пионерам, причем и здесь постарался прикрыться чужими разъяснениями, чтобы при случае отговориться: "Я не свои мысли передавал, а чужие - мысли верующих".

- Вопрос этот - откуда взялся Бог - весьма коварный и почти неразрешимый, - ответил Флорентиец, чем вызвал торжествующие крики у своих юных слушателей.

- В самом деле, - продолжал он совершенно спокойно, - кто же из людей, даже самых гениальных, может доподлинно знать, что было до сотворения мира? Тогда же никого и ничего не было. Был только Один Бог. Поэтому Он только Один и знает о Себе и о Своем происхождении. Огромное большинство верующих в своем простосердечии прямо и ответят вам: "Не знаем мы этого - откуда взялся Бог".

Такой ответ вызывал у пионеров бешеный, победный восторг. Они точно помешанные неистово вопили:

- А-а! Не знают!!! Не знают!!! Значит, нет Бога! Нет!!! Нету Его!!!

Выждав, когда это бешенство угомонилось, Флорентиец спокойно продолжал, как будто ничего не случилось:

- Мы часто не можем знать, что произошло не только вчера, но даже сегодня. К сожалению, люди очень ограничены в своих познаниях. Наука даже не знает, откуда взялись самые простые вещи и явления. Но кто же из умных людей только по этому одному и будет отвергать их?

Пионеры громко выразили сомнение в том, что наука чего-либо может не знать: она всеведуща и всемогуща.

- Вот, спросите, - продолжал Василий Петрович, не обращая внимания на шум слушателей, - нашего уважаемого заведующего, Кобылу Вару-вару...

Флорентиец опять спутал новое прозвище Самодурова. Тот ему в это время пригрозил пальцем. Василий Петрович мгновенно извинился и поправил свою ошибку:

- Спросите уважаемого Кобылу Гиббоновича.

Самодуров от удовольствия даже улыбнулся во всю ширь своего довольно мясистого лица. Ничего, что Флорентиец опять напутал: Кобылу поставил на место Гиббона, а эту персону - на место Кобылы. Это все же животные, из мира которых выродился человек; это дорогие предки, милая кровная родня. Вот не дай Бог повеличать безбожника святым именем угодника Божьего или званием с Божественным значением - тогда беда: такого скандала и позора не может выдержать ни один безбожник, хоть мало-мальски разбирающийся в именах и званиях.

- Спросите, например, - настаивал Флорентиец, - откуда взялись славяне - наше родное племя? Откуда взялись наши предки?

Он взглянул в этот момент на своих слушателей и густо покраснел, увидев, что все первые ряды парт заняты исключительно иерусалимлянами. Они именно и были зачинщиками всякого шума и крика, а так называемые славяне только рабски подражали им.

Наука многого не знает

- Гиббон Кобылович, - пояснил Флорентиец, на сей раз не спутав его новое животное звание, - был в старой, дореволюционной, школе историком и должен знать: откуда взялись разные народы и племена - и славяне, и греки, и китайцы. Спросите же его, откуда они произошли?

Самодуров сидел насупленный, недовольный: ему очень не хотелось отвечать на поставленный вопрос. Но под напором любопытных криков пионеров вынужден был заявить:

- Да, я должен сказать, что историческая наука, а также и этнология (народоведение) до сих пор не смогли установить, откуда произошли греки, китайцы, славяне, да и другие многие племена.

- Вот видите, - сейчас же подхватил Василий Петрович, -каких даже пустяков сама наука не знает, а вы требуете от простых верующих сказать вам - шутка ли? - откуда взялся Сам Первоначальный Источник Вселенной! Ну что ж вы не кричите теперь, - передразнил он неистовых пионеров: - "А-а-а! Не знает наука, откуда взялись славяне! Значит, их нет, нет! Нет и греков, нет и китайцев!" Кричите! Что ж вы молчите? Кричите, что вас самих нет!

Пристыженные и пришибленные этой наставительной насмешкой авторитетного учителя, они, потупившись, молчали. А тот продолжал с некоторым даже возбуждением:

- Видите, как глупо делать поспешные выводы. Будьте же в них осторожны. А не то верующие всегда оставят вас в дураках. Мало ли чего люди не знают и даже не могут знать? Но нельзя же отсюда делать вывод, что, значит, и не существует того, чего мы не знаем. Еще Ньютон говорил, что все наши научные познания о мире в сравнении с тем, что мы не знаем о нем, - это ничтожная капля беспредельного океана. Ну и отвергайте тогда весь мир, всю Вселенную - весь этот бесконечный океан! Нужно быть хоть чуточку поумнее, чтобы не делать этой глупости.

Пионеры совсем сконфузились от этих острых наставлений. Но молчали, очевидно, сознавая, что вслед за Самодуровым и они все сели в калошу со своими глупыми и безбожными криками.

- Есть замечательная книга европейского ученого Гааке "Мир животных", в которой почти каждая глава начинается заявлением: "Наука не знает, откуда взялись киты"; "Наука не знает, от каких животных произошел мамонт"; "Не знает, от кого произошли крокодилы". Не знает даже происхождения домашних животных и т. д. О происхождении всего животного мира наука почти ничего истинного, бесспорного не знает: есть у ней одни лишь гипотезы, предположения, догадки. Но решитесь ли вы после этого утверждать: "Ну значит, не существуют ни мамонты, ни киты, ни крокодилы, ни даже домашние животные"?!

Все эти сообщения и разъяснения Василия Петровича были такой поразительной неожиданностью для пионеров, веровавших во всемогущество

науки, что они слушали его точно зачарованные и загипнотизированные. А он продолжал еще больше их удивлять и поражать.

- Вы, конечно, не станете отрицать, что сами вы имеете язык, то есть речь, способность говорить. Но поинтересовались ли вы хотя когда-нибудь: откуда же взялся человеческий язык, как возникла способность говорить - этот величайший дар исключительно человечества? О Боге-то вы очень легко решаете, как будто это пустяк какой-нибудь, который можно в один миг разрешить. А вот о своем языке вы, как видно, ничего не знаете. Это уже стыд и позор!.. Что ж вы молчите, ничего не отвечаете? - с укором выговаривал им Флорентиец. - Ну, спросите товарища Гиббона.

Пионеры искренно признались, что они ничего не знают о собственном языке: откуда он произошел, как возник и развился, кто был родоначальником его и т. д. Гиббон же счел за лучшее отмолчаться, ибо он с обезьяньей прозорливостью видел, что вопрос "откуда взялся Бог?" провалился с шумом и позором.

- По одной гипотезе, - разъяснял Флорентиец, - все человеческие языки имеют один общечеловеческий корень, произошли от одной-единственной первоначальной пары людей, а по другой - от многих корней, от многих первобытных человеческих племен. В сущности, ни один ученый не знает, откуда и как возникли человеческие говоры. Не знает никто из ученых, и как возникла самая способность человека владеть речью. Ни одно животное не имеет этой способности, а человек имеет. Кто же ее ему дал? Наука этого не знает. Знаменитый марксистский философ Иосиф Дицген говорит, что язык (речь человеческая) - это Божественный дар. Это, пожалуй, - заметил Василий Петрович, - единственно верное решение вопроса, откуда возник человеческий язык.

Откуда взялся человек

Чем дальше говорил Флорентиец, тем в большее удивление приходили пионеры. Никогда и ни от кого они не слышали подобных речей.

- Знаете ли вы, - продолжал вразумлять их Василий Петрович; - откуда произошел сам человек? Вы запугиваете верующих страшным вопросом: "Откуда взялся Бог?" А верующие сами вам поставят совсем даже простой вопрос: откуда вы-то сами взялись? Каково ваше собственное происхождение? Подождите-ка, скажут они вам, очень высоко залетать с вашими безумными вопросами о Боге; извольте-ка прежде ответить нам на самый незамысловатый и вполне естественный и законный вопрос: откуда взялся сам человек? Ну, что вы на это ответите?

Пионеры были в сильном смущении и не решались ответить на поставленный им вопрос. Нерешимость их объяснялась не робостью, не застенчивостью - этих качеств у них не было, - а чувством стыдливости, тем чувством, которое безбожники обзывают "религиозной оскоминой" или "божественной отрыжкой" и которого нет и не может быть у бессознательных четвероногих

животных. Нет его даже у обезьян. Только человек есть стыдящееся животное. На этот раз и пионеры, помимо своей воли, проявили в себе человеческое достоинство, что сейчас же подметил Василий Петрович и искренно порадовался этому. Он снова повторил свой вопрос с той обаятельной улыбкой, которая невольно покоряет и располагает к себе человека. Пионеры теперь решились ответить.

- От обезьяны! От обезьяны! - послышалось несколько робких голосов.

В то же время пионеры бросали возбужденные и вызывающие взгляды на Самодурова, как бы требуя от него ответа на поставленный вопрос. Но Гиббон нарочно отворачивался от них, чтобы даже не видеть их требовательных взглядов.

- К большому конфузу науки, - разъяснил пионерам Флорентиец, - некоторые ученые действительно утверждали, что человек произошел от обезьяны. Но скоро этот конфуз сменился не менее конфузным утверждением, что обезьяна и человек произошли от какого-то общего, неизвестного еще науке предка. Уже это одно признание, что предок наш неизвестен науке, как неизвестен предок и обезьяны, обязывает вас относиться с большой осторожностью к ответу верующих на ваш вопрос: "Откуда взялся Бог?" "Сами вы не знаете, - упрекнул они вас совершенно основательно, - откуда произошел человек, кто первоначальный предок ваш, то есть откуда взялись вы сами, а нас не стыдитесь спрашивать: откуда взялся Бог? Это что же за глупость такая: соплей не умеете утереть под собственным носом, а еще лезете со своим рылом в Божественную область". Смотрите же, дети, - наставлял их Флорентиец ласково, отечески, - будьте осмотрительны как в своих вопросах, так, тем более, в своих выводах. В противном случае вы будете часто попадать в безвыходное и глупое положение, в каковое вот и попали сейчас, воображая, что вы своим вопросом, откуда взялся Бог, совсем уничтожили не только веру в Бога, но даже Самого Бога. В действительности же самих себя уничтожили. Нужно знать, - добавил Василий Петрович, - что в самое последнее время наука пришла к заключению, что она ничего не знает о том, откуда взялся человек. Даже такой советский профессор, как Козо-Полянский, материалист и даже партиец, вынужден заявлять и провозглашать, что он "точно свалился с неба" (см. его брошюру "Финал эволюции", изд. "Буревестника", 1922 г.). Что же после этого удивительного, если верующие на ваш вопрос, откуда взялся Бог, отвечают: "Это великая и страшная тайна, которую не дано знать ограниченному человечеству". По-моему, это вполне основательный и разумный, и вполне удовлетворительный ответ, - заключил свои объяснения Василий Петрович и строго взглянул на пионеров.

Разнузданные безбожники-дети, еще каких-нибудь пятнадцать минут назад безудержно шумевшие и кричавшие, торжествуя мнимую победу над верующими, сидели теперь смиренхонько, словно пыль, прибитая к земле

благодетельным дождиком. Самодуров сидел тоже с поникшей головой, не смея взглянуть по сторонам, как бы не встретиться с чьим-либо вопросительным взглядом.

Откуда взялось первое движение

Воспользовавшись таким состоянием аудитории, Флорентиец решил сделать хитрый маневр, чтобы и себя выпутать из опасного положения, в которое он попал вследствие своего выступления в защиту верующих, за что ему грозило изгнание из школы, и чтобы еще больше разоблачить несостоятельность безбожия.

- Знайте, дети, - заговорил он ласково и нежно, - что все это я вам говорил и выяснял совсем не в интересах религии или верующих; это было высказано мною исключительно в ваших интересах, как пионеров и как юных безбожников. Будет действительно позорно и вам, и всей нашей школе, если вы при ваших спорах с верующими допустите какую-нибудь глупость или будете поставлены ими в безвыходное или, что еще конфузнее, в дурацкое положение. Нужно всегда знать заранее все силы врага, все его оружие, все его приемы. Знать все это - значит, уже иметь полпобеды. Я познакомил "вас с тем, что могут ответить вам простые или рядовые верующие на ваш вопрос: откуда взялся Бог? Как видите, их ответ не так уж прост, что над ним можно только посмеяться. Он требует от вас вдумчивого размышления и довольно серьезных знаний. Но есть ведь на этот вопрос и богословско-философский ответ, требующий философской и научной подготовки.

Пионеры слушали с напряженным вниманием. Василий Петрович сумел заставить их быть серьезными и внимательными. Он их, что называется, заинтриговал. Поднял голову и Самодуров и тоже весь превратился во внимание.

- Я сегодня изложил вам так называемую Канто-Лапласовскую теорию возникновения нашей Солнечной системы, - продолжал Флорентиец. - Такую же теорию прилагают астрономы и к возникновению всего мира. Как помните, все началось с движения: без движения ничего бы не было. Но откуда взялось самое движение? Кто дал первый толчок движению? Лаплас не мог ответить на этот вопрос, а Кант сослался на Божественный Разум, собственно - на Бога. А вы, дети, как ответите на эти вопросы?

Пионеры не ожидали, конечно, таких вопросов и растерянно смотрели на Флорентийца. Тот повернулся в сторону Самодурова. Мгновенно и весь детский зал направил свои острые и точно прощупывающие глаза на Гиббона. Один из пионеров крикнул:

- Просим Гиббона Кобыловича! И за ним весь зал завопил:

- Просим! Просим!!! Отвечайте!!! Отвечайте!!!

В ответ на это требование Гиббон только отмахивался руками. Но каждый взмах его рук вызывал лишь новые и более решительные крики. С немалым трудом Василий Петрович едва-едва успокоил раскричавшихся пионеров.

Неразрешимые вопросы

- Многоуважаемый Гиббон Кобылович, - с поучительной твердостью обратился к нему Флорентиец. - Нам незачем скрывать антирелигиозные трудности перед своей же аудиторией. Тут все безбожники (Василий Петрович не сказал: "Мы все тут безбожники"; себя он незаметно выделил из них). Лучше в своей среде вскрыть наши ошибки и промахи, наши тупики и провалы, чем потом публично терпеть за них поражения от верующих.

- Правильно! Правильно! - подхватили пионеры.

- Ведь это же вы, - продолжал свою речь Флорентиец к Самодурову, - научили учеников вопросу: откуда взялся Бог? Вы и обязаны теперь разъяснить им все те ответы и вопросы, которые ставятся верующими в отпор вашему вопросу. Это же из вашей специальности, - сыронизировал над Гиббоном Василий Петрович. - Отвечайте же! Во всяком случае, нельзя же оставлять детей в недоумении.

После долгих уклонений и отнекиваний Самодуров все же вынужден был заявить и разъяснить:

- Да, конечно, - начал он неохотно, путаясь и запинаясь, - нужно признать, что, конечно, есть немало таких, разумеется, вопросов, на которые, конечно, ум человеческий не может дать ответа. К числу таких вопросов принадлежит, как это ясно, и вопрос о первом движении, или первом толчке, от которого, как, конечно, всем известно, произошел весь мир.

- Кто же? Кто это первый двинул? Кто толкнул? - пронеслось шепотом по всему залу.

- Это Бог... Бог... Творец... - еще тише шептали пионеры. Гиббон еще раза два три сказал: "Конечно" и "Это всем известно" - и грузно сел, обливаясь потом, словно его только что в бане выпарили.

Пионеры не были удовлетворены ответом Гиббона и напряженно ждали разъяснений от любимого учителя.

- Гиббон Кобылович весьма глубокомысленно и вполне здраво ответил, - начал Флорентиец своим мягким и приятным голосом, но не без остроты, - что ум человеческий бессилён дать ответ на многие вопросы, в том числе и о первом движении, из которого возникла Вселенная. Но разъяснения товарища Гиббона - это ответ не атеиста, а верующего философа, который признает существование в мире необъяснимых тайн, непостижимых явлений, чудес и т. п. Все это и ведет к Единому Первоначальному Источнику всех этих тайн и чудес. Как хотите называйте Этот Источник: Первым ли Двигателем, Первой ли Причиной или Началом всех начал, Творцом ли, или Богом, или еще каким определением. Дело тут не в названии, а в том, что Этот Таинственный Источник есть, это не выдумка попов или жрецов, а истинная, подлинная, несомненная Реальность. В Нее верит даже, как видим, сам многоуважаемый Варул Ермиппович.

Гиббон был в такой степени поражен этим выводом Флорентийца, что даже не заметил, что тот повеличал его прежним именем: "рабом Божиим" и "божественной лошадкой". Были поражены этим выводами пионеры. Между ними произошли схватки. Одни, волнуясь и сильно жестикулируя, возражали: - В чем тут поражение безбожия? Не понимаем! Ну, Источник так Источник, и больше ничего!..

Другие с не меньшей горячностью им разъясняли:

- Как же вы не понимаете? Ведь если есть в мире тайны, чудеса, непостижимые явления и тому подобное, то должен же быть у них Общий Источник, Единое Начало, и Оно должно быть тоже и непостижимым, и таинственным, и чудесным. Ну кто же это, как не Бог?

- Ведь имя "Бог", - разъясняли более толковые пионеры, - означает собственно богатство, то есть именно Источник или Ключ всего мира - всех ценностей, все качеств!

Флорентиец радостно обзирал весь этот шумевший муравейник и своей очаровательной улыбкой примирял его и успокаивал.

Откуда взялось мировое пространство

Как только уgomонился зал, Василий Петрович снова обратился к Самодурову с вопросом, который еще с большей силой дал почувствовать последнему, в какой опасной степени он поступил неосторожно, натравив учеников против верующих вопросом: откуда взялся Бог?

- Скажите, пожалуйста, Гиббон Кобылович, существовало ли пространство в то "время", когда еще не существовало самого мира, когда не было ни Солнца, ни звезд, ни планет, когда ничего не было?

Гиббон долго что-то обдумывал; ученики в нетерпении начали уже понукать его. Наконец он, набравшись смелости, ответил:

- Тогда еще не было пространства.

- Откуда же оно потом взялось? - спросил Флорентиец.

Только сейчас догадались пионеры, почему Василий Петрович поставил вопрос о пространстве. Гиббон навязал им вопрос, откуда взялся Бог. А теперь вот сам попробуй ответить: откуда взялось во Вселенной пространство - мировое пространство? На вопрос о движении ты додвинулся до Единого Начала. А куда-то приедешь с мировым пространством?

Но Гиббон в ответ на новый вопрос вдруг, замахав руками, закричал:

- Нет! Нет! Я ошибся: пространство тогда уже было!

- Откуда же оно взялось? - с приятным спокойствием повторил Флорентиец свой вопрос.

Самодуров не знал, что отвечать, с ужасом увидев, что от этого вопроса он не ушел, несмотря на новый ответ. Он бессмысленно повторял себе под нос:

- Откуда оно взялось? Откуда оно взялось? Откуда?..

А в это время пионеры смеялись над ним гомерически, безудержно, как над каким-то клоуном.

Глядя на него с сожалением, Флорентиец думал: "Ну, теперь ты, Кобыла Гиббоновна, уже не посмеешь натравлять безбожников на верующих своими глупыми и безбожно-безумными вопросами".

Гиббон, однако, нашел себе выход из затруднительного положения: он схватил шапку и опрометью бросился в дверь под дружные аплодисменты и веселый смех пионеров; многие из них кричали даже: "Браво!"

Вопросы верующих безбожникам

После бегства Самодурова Василий Петрович сразу почувствовал себя гораздо свободнее, тем более что весь пионерский зал был на его стороне и готов был даже прославлять Бога.

- Вот видите, дети, - начал им говорить Флорентиец, - куда приводит неразумное безбожие: к постыдному бегству, к позору. Придумал Гиббон вопрос: откуда взялся Бог, надеясь сокрушить им веру в Бога, а сокрушился сам - с треском и шумом. Безбожные вопросы верующие люди всегда могут устранить своими контрвопросами, и такой силы и значения, что от них лопаются само безбожие со всеми его дутыми основами. На один ваш вопрос: откуда взялся Бог - верующие могут вам поставить своих вопросов, такого же значения, десятки, сотни, тысячи может быть. Откуда, например, взялось время? - спросят они. Не то время, которое мы отсчитываем годами и столетиями, а мировое, которое обнимает весь звездный мир, всю бесконечную Вселенную? Откуда оно взялось? Откуда взялась вечность? Откуда взялась бесконечность? Откуда взялась сама жизнь, которую современная наука признает вечной? На все эти вопросы ни один безбожник ответить не может. Как же после этого безбожники еще смеют ставить вопрос верующим: откуда взялся Бог? Они тем не менее ставят иногда более дерзкий вопрос: "Где был Бог в то время, когда не было еще мира?"

Пионеры всем залом подтвердили, что Самодуров "прорабатывал" с ними и этот вопрос на уроках и уверял, что он смертелен для верующих, ибо совершенно устраняет бытие Божие.

- Конечно, этот вопрос может сбить с толку неопытного верующего, - разъяснил Флорентиец, - может привести в смущение и даже в неверие. Но верующий, знакомый с делом, выдвинет ряд своих контрвопросов. Он прежде всего спросит: "А где было и в чем заключалось тогда самое время, когда не было еще мира?" Ну что может ответить на этот вопрос самый дошлый безбожник? Сказать только: "Не знаю", или еще определеннее: "Этого не дано знать человеку". Но такой ответ уничтожает и вопрос безбожника. Верующий, таким образом, торжествует победу над безбожием. "Где было, - спросит далее верующий безбожника, - и в чем заключалось пространство, когда еще не было мира? Где была тогда сила взаимного притяжения? Где была тогда

бесконечность, вечность?" и так далее. Что может сказать на все эти вопросы безбожник? Ничего!!! Может лишь бежать от верующего, как сбежал от нас Гиббон.

Напоминание о бегстве Гиббона вызвало у пионеров взрыв смеха, что не остановило речи Флорентийца.

Бог вечен

- Все эти, неразрешимые для ума человеческого, вопросы, - продолжал Василий Петрович, - ставят верующие лишь для того, чтобы подготовить почву для философско-богословского ответа на вопрос: откуда взялся Бог? Ответ этот весьма краток, но зато содержателен и устраняет все другие вопросы безбожия о Боге. "БОГ ВЕЧЕН" - вот в двух словах великий и глубоко философский ответ. Вечен - значит, не имеет начала, не имеет и конца: безначален и бесконечен. Он выше и раньше всякого времени, предшествует всякому началу. Ставить после этого вопрос о происхождении Бога: откуда Он взялся и о Его местопребывании: где Он был до создания мира - это значит только обнаруживать безбожное невежество; это значит быть не только глупцом, но и безумцем. Конечно, такие состояния, как вечность, бесконечность, безначальность, непредставимы человеческим умом, но философски они мыслимы. Замечательно, что не только наукой они признаются, но и безбожниками не отвергаются. Этим допущением вечности, безначальности, бесконечности безбожники сами зарывают в яму свое безбожие, как ненужную падаль.

Эти объяснения и разъяснения Василия Петровича не всем пионерам и не совсем были понятны. Они не привыкли и не могли мыслить философски. Но слова "вечность", "бесконечность" им были хорошо знакомы, так как антирелигиозные агитаторы и учителя многократно им твердили, что материя, из которой создан мир, существует вечно и что самый мир бесконечен. Но смысл этих слов им был непонятен. Это сразу же заметил Флорентиец и поэтому спросил их:

- Знаете ли вы и понимаете ли, что значит вечность и бесконечность?

Получились совершенно противоположные ответы. Одни отвечали - "знаем", другие - "не знаем".

- А как думаете, - снова спросил их Василий Петрович, - состояния эти (вечность и бесконечность) естественны или сверхъестественны?

Пионеры были в большом недоумении. Они не раз слышали от безбожных агитаторов, что в мире ничего нет сверхъестественного, что только религия держится на признании сверхъестественного и что кто признает сверхъестественное, тот уже несомненно верующий. Они поэтому не решались признать вечность и бесконечность сверхъестественными. Пионеры молчали и ждали разъяснений своего авторитетного учителя.

- Все естественное, - начал разъяснять Флорентиец, - имеет начало и конец; все естественное имеет ограниченность, имеет объем, занимает определенное место. Ни одной из этих категорий, то есть качеств, или признаков, не имеют ни вечность, ни бесконечность: нет у них ни начала, ни конца, нет ни границ, ни объема, ни определенного места; нет у них ничего представи-мого, ничего постижимого, ничего естественного! Ясно, что вечность и бесконечность - сверхъестественны, сверхмирны, чудесны: это исключительно Божественные свойства.

Пионеры были в необычайной степени поражены этими выводами и слушали Василия Петровича с таким напряжением, что как будто силились прыгнуть в него самого, чтобы увидеть

там все его тайны. Он действительно раскрывал им, изумленным и пораженным, великую тайну - тайну о Боге.

- Если существуют Божественные свойства, - продолжал он свои разъяснения и выводы, - то существует и тот предмет, которому они принадлежат, кому они свойственны. Может ли, например, свойство мыслить существовать без разума? Или свойство гореть - без того предмета, который горит? Свойство зеленеть - без зелени, и так далее? Если есть человеческие руки, ноги и голова, то, конечно, есть и сам человек. Если существуют Божественные свойства - вечность и бесконечность, то ясно, что...

Детская аудитория не дала докончить Флорентийцу, она сама подхватила многоголосым хором:

- Бог есть!.. Ясно! Ясно!.. - громко и звонко кричали пионеры.

Но это был крик новый. Не буйный, а радостный, благоговейный, наполнявший душу великим счастьем. Дети точно преобразились, просветлели.

- Вот видите, - говорил им с торжественной радостью Василий Петрович, - куда и к чему приводит безбожный вопрос: откуда произошел Бог? К Богу же! Только нужно этот вопрос серьезно осмыслить и понять. Если бы все безбожники серьезно и глубоко мыслили по религиозным вопросам, никто из них не был бы безбожником. Безбожия совсем не существовало бы. Оно - печальный плод лишь недомыслия.

Откуда взялся мир

Василий Петрович говорил с такой силою убеждения, с такой пламенной искренностью, что под влиянием его речи некоторые пионеры стали даже креститься, вспомнив этот святой обычай христианства, к которому они были приучены еще с колыбели. Даже иерусалимляне прониклись некоторым благоговением и шептали на своем языке какие-то молитвы.

Василий Петрович хотел было на этом и закончить свое собеседование с пионерами, так неожиданно и нежданно сложившееся не по его вине, и тронулся было уже с кафедры. Но раздавшиеся со стороны всего зала просьбы снова вернули его на кафедру.

- Еще что-нибудь нам расскажите, - умоляли наивные голоса пионеров.

- Поговорите еще о Боге, - просили дети, которым, видимо, осточертело безбожие до тошноты.

- Я не богослов, - ответил им Василий Петрович с оттенком сожаления, - и поэтому не могу богословствовать. Для этого нужны особые и глубочайшие познания. Нельзя не пожалеть, что у нас нет свободы мысли и слова. От богословов вы могли бы услышать такие разъяснения тайн Божиих, которые наполняют человеческую душу неизъяснимой духовной радостью. Я же могу вам только указать, как могут еще использовать верующие безбожный вопрос: откуда взялся Бог?

- Просим! Просим!!! - гулко раздалось по всему залу.

- На вопрос, откуда взялся Бог, верующие могут, - продолжал Флорентиец, - поставить безбожникам свой вопрос: а откуда взялся мир? Кто его создал? Ну, как вы ответили бы на этот вопрос?

- Сам создался! - ответили несколько пионеров.

- Сам создался? - повторил Флорентиец с вопросительной улыбкой, приведшей в смущение ответчиков, и они поспешили стыдливо оговориться:

- Это Самодуров нам говорил, - пояснили они.

- И агитаторы доказывали, - дополнили другие.

- Но сами-то вы понимаете, что значит: "сам создался мир"? Мир с его непостижимым величием, с его многокрасочной качественностью, с его удивительной закономерностью? Как это сам он создался?

Пионеры молчали, не зная, что ответить. А в голове Флорентийца, точно волны на море в бурную погоду, поднялись и зашумели многочисленные вопросы. По плану ли создался мир или случайно? Если по плану, то по чьему плану? Кто его дал? В чем или в ком он заключался? Если случайно, то теперь продолжается ли эта случайность или прекратилась? Когда прекратилась? Почему прекратилась? Если не прекратилась, то и теперь может ли случайно Солнце, например, пойти в другую сторону или создаться новый мир с новой закономерностью? Совершиться какое-нибудь чудо, например камни заговорят или полетят случайно вверх, и так далее? Что раньше создалось: мир или закономерность? Кто именно создал законы природы? Если природа, то, значит, она существовала раньше без них? Но может ли она их отменить? Почему не может: ведь отменять гораздо легче и проще, чем создавать их? Если может, то почему не отменяет? Если же не природа создала ее законы, то кто?.. Чрезвычайно много подобных вопросов заполняли и волновали голову Василия Петровича. Но ни одного из них он не считал возможным поставить детям, когда никто из ученых людей, даже гениев, не может ответить на них. Он ограничился лишь вопросом:

- Понимаете ли вы, дети, какое великое, всемирное чудо утверждают безбожники, когда заявляют, что мир сам создался?

Пионеры и теперь молчали, очевидно, ожидая разъяснений от самого учителя.

- Ну что если бы вам сказал Самодуров, - продолжал Василий Петрович, - что наша школа - вот это самое здание, в котором сейчас находимся, само создалось, само выстроилось, - поверили бы вы этому?

Дети весьма дружно ответили, что они этому ни за что не поверили бы. Это совершенно невозможная вещь, чтобы какой-нибудь дом сам выстроился.

- А как же вы поверили тому же Самодурову, что весь мир сам сотворился?

В ответ на этот вопрос пионеры зашумели, заволновались: между ними самими произошли споры и горячие словесные схватки. Флорентиец только слушал с приятной улыбкой это шумящее детское море. А дети кричали, энергично размахивая руками и доказывая друг другу, что этого быть не может, чтобы мир, который, во всяком случае, больше и посложнее самой огромной школы, мог сам собой создаться без всяких указаний, без всяких планов и без всякой помощи: так себе - взял да и создался. "Как же это могло быть? - недоумевали они. - Нет, этого не могло быть", - твердо решили пионеры.

- Тогда, значит, есть Бог, - совершенно логически заключали наиболее сообразительные из них.

- Или нужно допустить, - говорили другие, - что всякое чудо возможно, что и дом мог сам собой создаться, и наша школа сама состроилась.

Флорентиец предложил пионерам хорошенько вдуматься в ответ безбожников, что "мир сам создался".

- Что значит "сам создался"? Вот о человеке можно говорить, что он сам ходит, сам работает, сам растет и так далее. Но это же значит, что он уже существует, иначе он не ходил бы, и не работал бы, и не рос. Если бы его не было, то как бы он рос или ходил, не существуя? Понимаете, дети, о чем я вас спрашиваю? - хотелось Флорентийцу объяснить им как можно понятнее и проще, что ответ безбожников бессмыслен.

- Понимаем! Понимаем! - ликующе ответили дети, точно они праздновали какую победу.

- Если мир сам создался, - продолжал учитель, - то, значит, в момент создания он уже существовал? Был уже? Иначе как бы он сам создавался, если бы его не было? Совсем не было? - повторил Флорентиец. - Кто же тогда создавался бы? Никто и ничто! Ответ безбожников, - заключил Василий Петрович, - является очевиднейшей нелепостью.

Сильно взбудоражили пионеров все эти вопросы и заключения: они теперь ясно видели, что религия - дело нешуточное, что ее не выдумали попы или жрецы, как утверждали им разные безбожные "головотяпы", она является результатом серьезного и глубокого размышления над природой и ее происхождением. Без Бога как Высшего Начала она не могла возникнуть с своими законами, планами и целесообразностью.

Откуда взялась материя

Флорентиец счел нужным поставить разволновавшимся пионерам еще один вопрос:

- Что существовало раньше создания мира?

- Материя! - быстро и ничуть не задумываясь ответили пионеры всем залом.

- Откуда же она взялась? Вы допытываетесь от верующих, - пояснил Василий Петрович, - откуда взялся Бог. А они вас самих спрашивают: а откуда взялась материя, из которой произошел весь мир со всей его закономерностью, со всей его дивной красотой, с непостижимым величием? Что вы им на это ответите?

- Материя вечна! - опять всем хором и единогласно ответили пионеры, но некоторые из них добавили:

- Это нам разъясняли антирелигиозные агитаторы и сам товарищ Гиббон.

- Разъяснения эти, - заметил Василий Петрович, - неверны и противонаучны: современная наука утверждает, что материя производна, что она даже просто обманчивая видимость, что раньше ее существует электричество - невидимая и нематериальная энергия. Но об этом мы поговорим с вами в другой раз. А сейчас отметим лишь, что ответ антирелигиозников: материя вечна - есть ответ на их же вопрос: откуда взялся Бог? Если о материи, которая во всех отношениях изменчива и непостоянна, или об электричестве - явлении мертвом, слепом, безвольном, бессознательном - безбожники отвечают, что они вечны и находят свой ответ основательным, то тем более основателен ответ верующих: Бог вечен, ибо Он - Разумное Творческое Начало всей Вселенной! И безбожникам - нужно это признать откровенно - совершенно нечего возразить на этот ответ верующих, особенно когда сами же они признают вечность существования или материи, или электричества, или чего-либо другого.

- А что верующие возразят на наш ответ: "Материя вечна"? - нетерпеливо и перебивая друг друга, спросили пионеры.

- Очень многое и весьма основательное, - авторитетно ответил Василий Петрович. - Вы, конечно, знаете, что из ничего не может быть чего-либо, из пустоты ничего не создашь.

Ученики шумно подтвердили эту истину и напомнили, что безбожные агитаторы высмеивали Библию за то, что в ней говорится: "Бог создал мир из ничего".

- Но то Бог создал, - спокойно ответил Флорентиец, - в Боге все заключается: это - не ничего, не пустота, а совершенная полнота. А вот у безбожников все самое ценное, самое великое, самое существенное произошло из ничего, из абсолютной пустоты. Их верования - это страшная и бессмысленная вера в какие-то дикие чудеса: то они веруют, что мир сам создался, то утверждают, что самое дорогое произошло из ничего.

Ученики, слушавшие уже с доверием своего любимого учителя, тут, однако, усомнились в верности его заявлений относительно безбожников, что последние проповедуют такие чудеса, что самое великое произошло из ничего.

- Как из ничего? Где это безбожники говорят? О чем говорят? - протестующе спрашивали они.

Все - из ничего или от Бога?

- Вот сейчас увидите, - смеясь над безбожием, ответил Флорентиец. - Вы, полагаю, хорошо знаете, что материя, которую безбожники признают

единственным началом всего существующего в мире и даже самого мира, не имеет в себе ни жизни, ни разума, ни сознания, ни воли (желаний, хотений), ни свободы. Ведь так, дети? Материя мертва, она ничего не понимает, ничего не мыслит, ничего не желает. Откуда же взялись в мире эти ценнейшие качества и свойства? Откуда?

Пионеры молчали, но напряженно думали, силясь, по-видимому, разгадать эту загадку.

- Откуда? - еще раз повторил Василий Петрович.

- Не знаем, - ответили наконец пионеры, находясь в большом недоумении и затруднении.

- Да вы хорошенько подумайте над этим вопросом, - предложил им Флорентиец.

Как ни старались пионеры "хорошенько" думать, у них выходило одно из двух: или нужно допустить, что материя, и именно мертвая материя - так как она первоначальное всего живого, - имеет разум и сознание и, значит, может хотеть, желать, любить, ненавидеть и так далее; а так как эта материя вечна, то, стало быть, и разум вечен, и мышление вечно, и свобода вечна и так далее (разум, мышление, воля) возникли в мире из ничего, в полном и безусловном смысле из ничего. Ни на том, ни на другом выводе не могли остановиться пионеры. Признать, что все великое в человечестве произошло из ничего, они не могли: это казалось им нелепостью, бессмыслием, совершенно невозможной вещью. Еще нелепее им представлялось допущение, что мертвая материя что-то сознает, может размышлять, имеет воление и свободу. Фактические наблюдения и научные исследования удостоверяют совсем другое. Ни одна из планет, ни одна из звезд, ни одно из солнц, ни все вместе они (и планеты, и звезды, и солнца), несмотря на всю сложность своей организации, ничего не мыслят и не смыслят, не по своей воле существуют и движутся, решительно ничего не понимают и не чувствуют. "Откуда же, в самом деле, произошли разум и свобода?" - повторяли себе пионеры этот вопрос и усиленно думали над ним.

"Откуда произошел Бог?" - этот вопрос, которым они еще несколько минут назад думали уничтожить Самого Бога, теперь представлялся им не только нелепым, но и совершенно ничтожным, свидетельствующим о невежестве его авторов. Но вопрос, откуда взялись разум и воля со всеми их свойствами, задал им такую головоломку, такую умственную встряску или, вернее сказать, умственное освежение и просветление, что они, помимо своей воли и желаний, неизбежно, неотвратно, как неотвратим сегодняшний день, должны были признать после напряженных размышлений, что для разума и воли, то есть для духовных качеств человека, необходим иной какой-то источник - Всемирное, Духовное, Разумное Начало. Это был единственно разумный и единственно правильный ответ на поставленный Флорентийцем вопрос. Но ответ этот ясно и четко провозглашал: Бог есть. Он Вечное, Разумное, Творческое Начало, от Которого все произошло и без Которого ничего не может быть.

- Ну что же вы молчите? - понудил к ответу все еще размышлявших пионеров Василий Петрович.

Они всполошились, загалдели. Одни отвечали: "Не знаем", другие просили самого Флорентийца ответить, третьи, более смелые и решительные, заявляли: "Должно быть, есть Бог".

Василий Петрович предложил им снова "еще хорошенько подумать над поставленным вопросом".

- Может ли быть что-либо из ничего? - помог им "думать" Флорентиец.

- Не может! - дружно и уверенно ответили ученики.

- Значит, из ничего не могли тем более произойти такие великие ценности, как разум, сознание, мышление, знание, воля, свобода и тому подобное?

- Да, не могли. Конечно. Ясно. Бесспорно, - слышались многочисленные ответы.

- Стало быть, остается одна материя, и именно неорганизованная материя, "мертвая". Нужно признать, что ниоткуда больше, как только от нее, произошли: разум, сознание, мышление, воля, желания, свобода и все прочее. Нужно, значит, признать, что материя мыслит, понимает, рассуждает, действует по своей воле и желанию. Вот, эти, например, стены, парты, столы слышат нас, понимают, размышляют, по своей воле тут присутствуют. Так ведь?

- Нет! Нет! - шумно закричали пионеры. - Это чепуха! Материя ничего подобного не имеет!

Пионеры стали даже острить:

- Что-то ботинки наши думают? По своей ли воле кепи сидят на наших головах? О чем размышляет наше белье?

Были и неприличные вопросы, вызывавшие во всем зале шум и смех. Флорентиец поспешил призвать пионеров к порядку.

- Так откуда же взялись, - повторил он им свой вопрос, - эти величайшие дары - разум и воля со всеми их свойствами? В материи их нет, не было и не могло быть; из ничего они не могли возникнуть. Откуда же они произошли? Откуда?

- От Бога! - послышалось несколько голосов.

- Больше неоткуда, - подтвердили еще некоторые голоса.

- Ответ ваш совершенно правильный, - заключил и Василий Петрович с некоторой торжественностью. Он нескрывая ликовал, что его неожиданное и даже неохотное выступление перед пионерами дало столь блестящие результаты, что сами юные безбожники собственным логическим размышлением пришли к неизбежному выводу, что Бог есть и что без Его существования немислимы ни разум, ни воля, ни прочие дары разумных существ.

Безбожие - это безумие

- Великие и серьезные умы, так же как и вы, - польстил Флорентиец пионерам, - обсуждая вопрос о происхождении разума и воли, приходили к неизбежному выводу, что Бог существует. Знаменитый русский ученый, хирург и педагог Н. И. Пирогов в своем глубоко интересном "Дневнике" заявляет: "Существование Верховного Разума, а следовательно и Верховной Творческой Воли, я считаю

необходимым и неминуемым (роковым) требованием (постулатом) моего собственного разума, так что, если бы я и хотел теперь не признавать существования Бога, то не мог бы этого сделать, не сойдя с ума" (Н. И. Пирогов. Сочинения. Т. II. Столб. 166. Киев, 1910 г.). Припомните, дети, я начал свои объяснения вам словами великого ученого Дарвина, что гениальные умы всегда приходили к положительному заключению: Бог есть. А крупнейший русский ученый, только что мною процитированный, заявляет, что лишь сумасшедший может отвергать существование Бога. В сущности, все люди, в том числе даже безбожники, раз они пользуются разумом и волей, - собственным существованием, так сказать наглядно, картинно, доказывают бытие Божие как Верховного Разума, как Творческой Воли, все созидающей и всем управляющей. Это доказали и ваши собственные размышления. Не будьте же, дети, пустыми верхоглядами, - чарующе наставил их Василий Петрович, - вникайте в сущность всякого бытия, особенно же духовного, и тогда жизнь ваша будет сознательно-разумной, богато-содержательной, соответствующей мировому целому - и потому счастливой и истинно блаженной. Флорентиец покинул кафедру под несмолкаемый шум аплодисментов и восторженные крики пионеров.

* * *

Почти все пионеры пятой Пензенской школы после сего оставили безбожие, как налетную пыль; за ними и вся школа стала вновь верующей. Все дьявольские и животные имена школьники мигом сбросили и вернули себе прежние имена святых и богоугодных людей. Население перестало звать школу "дьявольским музеем". Однако долго она не просуществовала: наркомпросное начальство раскассировало ее. Василий Петрович вскоре же после своей вышеописанной беседы с пионерами перевелся, как говорили, в отдаленный от Пензы край и как в воду канул. Никто и ничего о нем не знал. Но память о нем среди пензенских учеников сохранилась навсегда, как о личности выдающейся по своим умственным и духовно нравственным качествам, как о теплом и ярком педагогическом солнышке. Ученики так и вспоминали: "А где-то теперь наше милое солнышко?"